

Двое мужчин в костюмах, осознав, что Гу Цинцин их обманула, поняли, что сегодня Ян Мэй им не найти. Не желая неприятностей, они поспешили уехать на машине, прежде чем толпа, готовая схватить хулиганов, успела окружить их.

После этой ложной тревоги Гу Цинцин вернулась домой и буквально рухнула на кровать. Едва она легла, как её старый телефон зазвонил.

— Ян Мэй, куда ты пропала? — Гу Цинцин, растирая живот, жаловалась.

С момента госпитализации до выписки она питалась лишь легким бульоном, и врачи не разрешали ей есть много. Как заядлая любительница еды, она уже давно мучилась от голода.

— Цин, слушай, мне нужно скрыться на несколько дней. Те люди ушли? Я скоро вернусь домой, соберу вещи, ты мне откроешь, ладно?

Закончив разговор, Гу Цинцин недоумевала: с кем это Ян Мэй связалась? Обычно она просто продавала блинчики, как она могла навлечь на себя внимание «мафии»?

Нехотя направившись на кухню, чтобы приготовить себе что-нибудь, она заметила миску с яйцами, которую разбила пару дней назад. Хотя погода не была жаркой, одно из яиц всё же испортилось, и теперь вся смесь превратилась в вонючую массу.

Глядя на эту миску, Гу Цинцин вдруг почувствовала, что она сама стала похожа на эти яйца. Её жизнь, когда-то чистая и ясная, внезапно была испорчена, как будто в неё вкралось что-то гнилое.

Кто виноват в этом? Она сама изменилась или это внешние обстоятельства привели к такому результату? Она не знала.

Гу Цинцин взяла миску и вылила содержимое в раковину, смыв водой. Почему она, Гу Цинцин, должна жить в таких унижениях? Экономить на еде и одежде, думать о других, избегать конфликтов — и в итоге всегда оказываться в проигрыше? Она не боится трудностей, но почему она должна так жить?

Гу Цинцин, тебе почти 30 лет. Как говорили древние, в тридцать лет человек должен встать на ноги. Пора взять себя в руки!

Решившись, она взяла новые яйца, приготовила себе паровой омлет, наелась досыта и помогла Ян Мэй собрать вещи.

Ян Мэй вернулась почти под утро, крадучись, как вор. Не успев объяснить, что происходит, она схватила свои вещи и сбежала.

Комната мгновенно опустела. Уже за полночь, но Гу Цинцин не могла уснуть. Все эти несчастья, казалось, начались с того рождественского инцидента с видео.

Где упала, там и поднимется!

Гу Цинцин решила использовать оставшиеся дни перед операцией, чтобы извиниться перед тремя участниками того события, а также заглянуть в редакцию журнала. Тогда она сломала объектив, и её уволили, заставив выплатить половину стоимости. Ей дали месяц на погашение долга, но бывший начальник вычел её премию и зарплату.

Гу Цинцин листала сообщения на своём старом телефоне, которые она не решалась удалить. Каждый раз, когда память заполнялась, она переписывала сообщения от Чжэнь Давэя в блокнот, а затем удаляла их. Теперь, кроме уведомлений о задолженности от оператора, её телефон, который мог хранить всего 200 сообщений, больше не заполнялся.

На телефоне висел маленький брелок в форме бычьей головы, который они с Чжэнь Давэем купили вместе, когда только познакомились. Чжэнь Давэй был рождён в год Быка. Она же купила себе лошадку, так как родилась в год Лошади. Но тогда Чжэнь Давэй посчитал, что это будет неуместно, и не стал вешать брелок на телефон.

Когда они только познакомились, Гу Цинцин ещё не оправилась от потери родителей. Именно Чжэнь Давэй помог ей пережить самые тёмные времена. Она хотела быть с ним всю жизнь.

Гу Цинцин крепко выспалась и рано утром отправилась на рынок, где впервые купила курицу. Она варила её почти до полудня, а затем понесла в больницу.

Открыв дверь палаты, она увидела, что на кровати Чжао Хуэйи лежит незнакомец. Она быстро подошла к медсестре, которая делала обход, и спросила:

— Здравствуйте, а где Чжао Хуэйи со второй кровати? Её перевели?

Медсестра, узнав её, ответила:

— А, это ты, Гу Цинцин с первой кровати. Как раз тебя искали.

Гу Цинцин последовала за медсестрой в кабинет. Получив письмо, она с недоумением спросила:

— Что это?

— Это письмо, которое Чжао Хуэйи оставила тебе перед смертью, — вздохнула медсестра.

— Чжао Хуэйи... умерла? — Термос с супом выпал из рук Гу Цинцин, и она не могла прийти в себя.

— Вчера утром у неё случился приступ, и её не смогли спасти. Примите мои соболезнования.

Выйдя из больницы, Гу Цинцин почувствовала, как глаза её жгут от боли. Слезы, высохшие на холодном ветру, оставляли на лице жгучие следы.

Она знала, насколько хрупка человеческая жизнь. Как её родители, которые исчезли в одночасье. Как Чжао Хуэйи, которая вчера ещё смеялась и говорила, что станет ей крёстной матерью, но не успела даже попрощаться.

Она думала, что, пережив потерю родителей, уже привыкла к смерти. Но сердце человека остаётся уязвимым, и каждое расставание оставляет в нём занозу, которую нельзя вытащить. Эта заноза болит, но напоминает ей, что она ещё жива.

Гу Цинцин, шатаясь, дошла до автобусной остановки и, присев у стойки, дрожащими руками открыла письмо от Чжао Хуэйи:

«Маленькая Гу,

Позволь мне так тебя называть.

Я вижу, что тебе тяжело. В твоём возрасте пережить столько — это непросто, но не теряй веры в жизнь.

Если ты чувствуешь, что живёшь в аду, то жизнь станет ещё темнее. Если же ты считаешь, что находишься в раю, то даже в темноте сможешь найти силы бороться.

Дорогая, я вижу, что ты очень ценишь чувства. Но, как человек, проживший жизнь, хочу сказать тебе: ни на кого нельзя положиться, кроме себя.

Ты любишь человека, он прекрасен. Но почему он должен любить тебя? Потому что ты красива? Богата? С хорошей фигурой? Нет, тот, кто действительно тебя любит, не будет основывать свои чувства на этом, хотя для многих это становится началом отношений.

Тебе самой стоит заботиться о себе. Люби себя, будь красивой и здоровой.

Маленькая Гу, может, это прозвучит грубо, но ты должна это услышать: после операции позаботься о своём здоровье, похудей. Не потому, что быть полной плохо, но если это влияет на здоровье, то это уже проблема.

Ты добрая девушка, но не позволяй своей доброте превращаться в безграничные уступки. Я уверена, что ты станешь сильной и независимой женщиной.

Заботься о себе, занимайся тем, что тебе нравится. Последнее, что я хочу сказать: «У затонувшего корабля проплывают сотни судов, у больного дерева растут тысячи новых». Смотри вперёд.

Старая тётя: Чжао Хуэйи».

Иногда тот, кто понимает тебя, не обязательно тот, с кем ты живёшь бок о бок. Возможно, это просто незнакомец, который сказал то, что ты сама не могла выразить. Гу Цинцин была всего лишь прохожей в жизни Чжао Хуэйи, но та оставила ей самое большое добро перед смертью.

Слёзы Гу Цинцин не прекращались. Автобусы проезжали один за другим, но она не могла встать, продолжая плакать.

К ней подошла неопрятная женщина средних лет с разбитой кружкой, в которой звенели монеты. Она подошла к Гу Цинцин, повторяя:

— Пожалуйста, помогите.

Гу Цинцин, всхлипывая, поднялась, опершись на стойку, и начала искать в карманах деньги, но обнаружила, что у неё с собой только одна монетка на автобус.

Не раздумывая, она положила её в кружку.

Женщина без эмоций поблагодарила и пошла просить милостыню у других.

Ян Мэй всегда раздражалась из-за таких нищих, считая, что они здоровы и способны работать, но предпочитают обманывать. Она даже предупреждала Гу Цинцин, чтобы та не попадалась на их уловки.

Гу Цинцин понимала это, но думала: «Вдруг кто-то действительно в отчаянии?» Она посмотрела на женщину, которой было лет пятьдесят, с покрасневшим от холода лицом, и, смягчившись, крикнула:

— Тётя!

Женщина быстро обернулась, с надеждой в глазах, думая, что Гу Цинцин даст ей ещё денег. Но та протянула ей термос с куриным супом, который так и не успела передать:

— Это я сама приготовила, ещё тёплый, возьмите.

Женщина, немного замешкавшись, всё же взяла термос.

Гу Цинцин посмотрела на часы и поняла, что пора домой. Она снова поискала в карманах, надеясь найти ещё одну монетку, но увы, в карманах ничего не было.

Дорога от больницы до дома была ей знакома, так как она часто ходила туда, когда навещала Чжань Юнь. На автобусе это занимало около 40 минут, на такси, если без пробок, — меньше 20, а пешком, в её темпе, — больше часа.

<http://bllate.org/book/15549/1376384>